

Когда в переулке за больницей Жэньцзи над лотком с завтраками поднялся пар, Чэнь Е как раз переливал остывшее соевое молоко в пустой флакон из-под инсулина. В масле, бурлящем в котле, кружились остатки еды, и ему чудилось, будто в коричневых разводах всплывают и тонут показатели материнского диализа: уровень креатинина 428 мкмоль/л — ровно та цифра, что была выделена красным в договоре микрозайма.

— Брат! — сестра, сжимая в руке результаты анализов, подбежала к нему, и из кармана её фартука градом посыпались таблетки обезболивающего.

Когда Чэнь Е присел, чтобы собрать лекарства, он заметил на обороте алюминиевой фольги тиснение — логотип какого-то частного инвестиционного фонда. Под ногтями сестры застряла металлическая стружка с завода электроники; в утреннем свете она отливала тем же холодным блеском, что и генетический тест.

Уолл-стрит в пластиковом ведре

Каблуки Линь Мань увязли в сточных водах трущоб, а норковая шуба плотно кутала результаты анализов, украденные ею прошлой ночью из больницы. Старый Чжоу сидел на корточках у дверей лачуги-самостроя и с помощью мультиметра измерял напряжение в таблетках дочери от депрессии.

— В этой пластинке, — его пальцы, перепачканные машинным маслом, дрожали, — схему понижения напряжения подменили.

Чэнь Е приподнял брезент и увидел, как Сяо Юнь, сжавшись на заднем сиденье электроскутера, складывает звездочки из чеков службы доставки. На воротнике её выцветшей школьной формы был приколот старый значок работника государственной энергосети — награда старого Чжоу за техническое мастерство десятилетней давности.

— Сестренка... — Сяо Юнь внезапно схватила Линь Мань за запястье. — От твоего белого халата пахнет мамой.

Коралловая помада Линь Мань треснула в лучах утреннего солнца. Она достала кусочек подтаявшего шоколада, на обертке которого виднелся антиконтрафактный код фармацевтической компании десятилетней давности. Электросварочный аппарат в руках старого Чжоу внезапно выплюнул сноп синих искр, прожегших подпись какого-то председателя совета директоров на бланке анализов.

Экономика лотка с соевым молоком

Когда жареное тесто в котле раздулось, приняв форму биржевого графика, пронзительный голос Шэнь Тинтин прорезал утренний туман:

— Чэнь Е! Обезболивающее, которое ukrала твоя сестра, я запишу на твой счет!

Её пальцы с накладными ногтями, украшенными стразами, ткнули в планшет диспетчера, и в трещинах экрана проступило коричневое соевое молоко — то самое, что Чэнь Е залил туда на рассвете.

Линь Мань внезапно выхватила шумовку из котла:

— Знаешь, почему в трущобах соевое молоко стоит два с половиной юаня? — Горячее масло вычертило на металле схему движения капитала через систему Шэньчжэнь-Гонконг. — С каждым подорожанием на пять мао три P2P-компании повышают процентные ставки.

Аккумулятор старого Чжоу внезапно взорвался, и электролит на земле сложился в номер договора микрозайма сестры.

Крик Сяо Юнь прорезал масляный туман. Она разорвала все бумажные звездочки и из фольги от таблеток выложила на грязи цифры 428%. Мизинец правой руки Чэнь Е свело судорогой — старая травма от бесконечных ночных смен, но сейчас казалось, будто его стягивают тысячи невидимых долговых обязательств.

Последнее тепло

Когда хлынул ливень, Чэнь Е накрыл Сяо Юнь термобоксом. Белый халат Линь Мань развеялся на ветру, обнажая спрятанный на поясе шприц с промедолом. Старый Чжоу вдруг поднял сварочный аппарат:

— Резервный кабель государственной энергосети... — синее пламя выжгло в дождевой завесе медицинскую карту его дочери, — в прошлом году превратили в оптоволокно для даркпул-трейдинга.

Телефон Чэнь Е бешено завибрировал: показатели материнского диализа внезапно передались в установленное им приложение мониторинга. Под вой сирены, оповещающей о скачке креатинина, он увидел, что частота мерцания слухового аппарата Линь Мань синхронизирована с биржевым кодом фармацевтической компании. Сестра подняла осколок стекла, полоснула себя по ладони и написала на планшете диспетчера кровью: Больше не бежать.

Крик Шэнь Тинтин смешался с воем приближающихся сирен. Линь Мань внезапно укутала Сяо Юнь своей норковой шубой — подкладка была сплошь усеяна сотнями листов с результатами диализа, которые замелькали на ветру. Сварочный аппарат старого Чжоу поджег котел с маслом. В пламени температурой 428 градусов Чэнь Е увидел фотографию матери в молодости на текстильной фабрике — здание на заднем плане было точь-в-точь тем самым офисным центром, где сейчас располагался инвестиционный фонд.

Соевое молоко остыло

Когда первая полицейская машина протаранила лоток, Чэнь Е вливал в рот сестре последние полфлакона физраствора. Каблук Линь Мань сломался, застряв в решетке ливневой канализации, старый Чжоу, обнимая дочь, сжался под обломками скутера. На часах Сяо Юнь внезапно зазвонил школьный звонок — запись, сделанная три года назад, когда она поступила в элитную гимназию.

— Е-цзы! — голос матери взорвался из динамика телефона. — Медсестра сказала, мои лекарства...

Вторая половина фразы утонула в сигнале тревоги аппарата для диализа. Термобокс Чэнь Е разломился пополам, и на замороженном филе лосося высветился таймер аукциона в даркнете. Линь Мань внезапно сунула ему в рот шоколад — вкус десятилетней давности смешался на языке с привкусом ржавчины.

Ливень смывал масляные пятна с земли, годовая ставка в 428% искажалась и расплывалась в лужах. Когда щиты спецназа нависли над ним, Чэнь Е вдруг вспомнил тот пирожок с луком, который так и не успел передать — последний кусочек тепла, что отец тайком прятал в алюминиевом контейнере на стройке, пока мать проходила химиотерапию.

<http://bllate.org/book/18523/1780828>